

Когда всё закончилось, солнце уже стояло в зените. И хотя в покоях летнего дворца расставили сосуды с ледяной водой для охлаждения, там всё равно было досадно жарко.

Сердца слуг, дежуривших снаружи в ожидании приказа подавать обед, наполнились беспокойством: они гадали, когда же будет уместно напомнить об этом императору.

Премьер-министру не удалось избежать своей участи: его лицо было густо покрыто белесым семенем. Капли стекали со лба к самым губам; из любопытства он высунул кончик языка и облизал свои ярко-алые тонкие губы.

Император хотел было прижать его к себе и зайти на еще один круг, но в этот момент в животе премьер-министра раздалось отчетливое «урчание».

Государь взял полотенце для умывания и, одной рукой придерживая затылок Ли Цзинъюя, другой принялся бережно стирать следы страсти с его лица.

Премьер-министр, словно намеренно искушая императора, произнес с бесконечной нежностью в голосе:

— В следующий раз позволите ли вы подданному отведать это на вкус?

Император продолжил полоскать белый платок в воде, а затем снова протер ему лицо.

— Если дорогой подданный желает, он может отведать прямо сейчас.

Только тогда премьер-министр умолк. Уж лучше просто поесть.

Глубокой ночью, когда выпала обильная роса, император потянул премьер-министра на прогулку в императорский сад.

Сколько государей с древних времен встречали свою любовь именно ночью в садах! Иногда это были простые служанки, иногда — наложницы, так и не дождавшиеся монаршей милости.

Как пишут в старинных повестях: «Император в ночи внезапно видит силуэт; фигура, страшась столкновения, пытается скрыться в тени. Но государь окликает её: „Стой!“ Темная тень падает на колени, император подходит ближе, поднося сияющий фонарь к лицу незнакомки — чело её гладко, брови изящны, облик пленителен, а в волосах простое украшение в виде цветка персика. Лицо её и цветы персика оттеняют друг друга краснотой. Сердце императора дрогнуло, и тогда...»

Нынешний император, гуляя по саду в прошлом, тоже часто видел убегающие тени, но никогда не произносил это «Стой!», чтобы запустить сюжет из книжки.

Однако после женитьбы на премьер-министре, примеряя этот образ на его лицо, он и сам проникся предвкушением. И хотя любовь императора к Ли Цзинъюю вспыхнула в таком суровом месте, как зал приемов, ему хотелось вместе с ним испытать это удовольствие, описанное в романах.

Перед уходом он во что бы то ни стало вознамерился вколоть в волосы премьер-министра шпильку с цветком персика. Он подумал, что это выглядит невероятно красиво — ни одна красавица с иллюстраций к книгам не могла бы с ним сравниться.

Император не предупреждал слуг и не позволил им следовать за собой; они с премьер-

министром отправились вдвоем. В конце концов, в императорском саду обычно безлюдно, разве что пара-тройка служанок с метлами, которые наверняка и сами не прочь отлынивать от работы.

Премьер-министр, чья талия казалась лишенной костей, прильнул к плечу императора. На самом деле он был крайне ленив, и за этот год император изучил его насквозь.

Этот «любящий народ как отец» министр днем усердно и неутомимо занимался государственными делами, но в любую свободную минуту мечтал лишь о том, как бы завалиться на кровать и поспать.

Однако статному премьер-министру не пристало спать постоянно, поэтому, закончив с делами, он дремал прямо за столом из грушевого дерева в своем кабинете. Стоило лишь предложить ему прогуляться подольше, как он тут же прикладывал руку ко лбу и тихо вздыхал.

Но за этот год, пока император повсюду таскал его за собой, его телосложение стало куда крепче, чем раньше. Теперь в постели он мог продержаться на половину курительной палочки дольше, да и стоны стали громче.

Император погладил его по волосам, и премьер-министр лениво продекламировал:
«Бессмертный коснулся моей головы...»

Император осекся и шутливо щелкнул его по лбу.

Государь в совершенстве владел искусством легкости цингун (особая техника "легкости" кунг-фу, которая позволяет практикующему "летать" в воздухе или прыгать с крыши на крышу), но упрямо заставлял премьер-министра идти пешком, сопровождая его в любовании цветами и луной.

Время от времени мимо проходили слуги с метлами, и тогда император увлекал Ли Цзиньюя в самую гущу цветов, скрываясь от посторонних глаз.

К поясу премьер-министра был прикреплен мешочек с благовониями, отпугивающими насекомых, так что укусов он не боялся, но всё равно не горел желанием бродить среди деревьев — он опасался темноты и, цепляясь за локоть государя, порывался уйти.

Однако император был непоколебим как гора, а в его голосе невозможно было скрыть азарт:

— Как дорогому подданному сегодняшней лунный свет?

Ли Цзиньюй поднял голову, взглянув на ночное небо сквозь колышущуюся на ветру листву. Звезды и луна сияли в унисон. Он ответил:

— Красиво.

Император ласково провел рукой по его бедрам и спросил:

— Раз красиво, то нельзя упускать момент.

После года совместной жизни они стали «старой супружеской парой», и премьер-министр, конечно же, всё понял. В его мыслях и сердце тоже вспыхнуло желание.

Но приличия нужно было соблюдать, поэтому он сделал вид, будто не очень-то и хочет, и попытался возразить:

— Ваше Величество, это же... соитие на природе.

Слово «на природе» лишь сильнее раззадорило императора. Поддавшись настойчивости, премьер-министр позволил увлечь себя к могучему старому дереву.

<http://bllate.org/book/17312/1620395>